

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЯДОВА (1929–2015)

Этот номер посвящен памяти члена редколлегии нашего журнала профессора В.А.Ядова — одного из самых ярких представителей поколения шестидесятников в СССР и лидера возрождения социологической науки в советском пространстве после ее запрета во времена сталинизма. Трудно переоценить его роль и в становлении украинской социологии — начиная с конца 60-х годов прошлого столетия и по сегодняшний день. Прощаясь с Ядовым, свое слово о нем сказали те социологи в Украине и России, которые непосредственно учились у него профессиональному мастерству, сотрудничали с ним в исследовательских проектах, имели опыт живого общения с незаурядным человеком, обладавшим редкостной харизмой и столь же редкостным обаянием¹.



Правление Социологической ассоциации Украины с глубокой скорбью извещает о том, что 2 июля 2015 года на 87-м году жизни умер выдающийся российский ученый, один из основателей советской и российской социологии **Владимир Александрович Ядов**

¹ Редакция журнала выражает благодарность В.И.Паниотто за подборку фотографий, помещенных в данном номере.

Имя профессора Ядова хорошо известно не только на постсоветском пространстве, но и далеко за его пределами. Это Ученый с мировым именем. Многие поколения отечественных социологов обязаны ему своим профессиональным становлением. Украинские социологи гордятся тесной дружбой и профессиональным сотрудничеством с Владимиром Александровичем, который неоднократно бывал в нашей стране, выступал на многочисленных социологических конгрессах, конференциях, круглых столах. Его печатные труды и блестящие доклады на всевозможных социологических форумах всегда отличались невероятной глубиной научного анализа, скрупулезностью в интерпретациях результатов эмпирических исследований, демонстрировали глубокий личный интерес Владимира Александровича к событиям, происходящим на постсоветском пространстве, в том числе в Украине. Профессор Ядов был инициатором проведения и одним из модераторов круглого стола “Теоретические проблемы исследования трансформирующихся обществ”, который проходил 18 октября 2013 года в Харькове в рамках II Конгресса Социологической ассоциации Украины. Решением Правления Социологической ассоциации Украины в 2015 году В.Ядов награжден медалью САУ “За вклад в развитие социологии”.

Для многих украинских социологов профессор Ядов был не только коллегой, но и другом. Необычайно теплые человеческие связи и научные контакты связывали Владимира Александровича с Харьковским национальным университетом им. В.Н.Каразина, почетным доктором которого он стал в 2009 году. Прощаясь с Владимиром Александровичем, мы не прощаемся с его теоретическим наследием, которое, без сомнения, еще долгие годы будет необходимо все новым поколениям социологов — от студентов до академиков. В памяти сердец украинских социологов навсегда останется Владимир Александрович Ядов — замечательный Человек и настоящий Ученый.

*Виль Бакиров, Президент Социологической ассоциации Украины,
ректор Харьковского университета им. В.Н.Каразина*

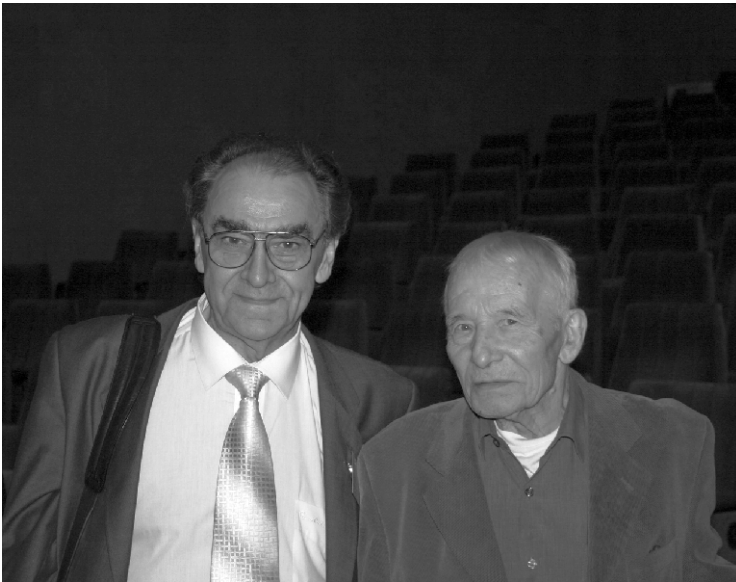
Память о Владимире Александровиче Ядове

Тяжело переживается смерть Владимира Александровича. Будто уходит большая часть собственной жизни. Та ее часть, которую осознаю для себя с 1970 года, с первой встречи и первого общения с Владимиром Александровичем.

Тогда в Варне, после окончания заседаний в первый день проходившего там Всемирного социологического конгресса, в одном из вестибюлей в первый раз я увидел “самого Ядова”. Вокруг него громоздились связки брошюр, которые он распаковывал и с помощью лишь одной девушки раскладывал по ячейкам стендов секций конгресса. Я подошел, сказал, что приехал на конгресс в студенческой группе из Киева, и предложил помочь. Владимир Александрович весело сказал, что втроем мы, конечно, управимся гораздо быстрее, познакомил со своей помощницей и объяснил, что в пачках — тиражи препринтов докладов членов советской делегации, что их доставили позже

других, когда делегация уже разъехалась, и что важно разложить доклады по ячейкам секций сейчас, чтобы утром, перед тем, как разойтись по секциям, коллеги из разных стран могли взять с собой тексты докладов и советских участников. Поведение Владимира Александровича в этой ситуации меня так глубоко тронуло, что и теперь, почти сорок пять лет спустя, чувства, которые вызвал этот пример бескорыстной заботы о других людях, о близких и неблизких коллегах, вспоминаются и оживают в памяти как недавние.

И еще пленило естественное, лишенное малейших проявлений превосходства и снисходительности его обращение на равных и со своей помощницей (насколько помнится, его аспиранткой), и со мной (в социологии тогда еще только студентом). В его открытости явно ощущалась искренняя непосредственность, отсутствие каких-либо личностных котурнов, склонности поставить себя над собеседником. Владимир Александрович в этом разительном отличался от других, знакомых мне ранее, докторов философских наук (естественно, советских), обращавшихся с молодежью с заметно проступающим то ли высокомерием, то ли надменностью. Ничего и отдаленно похожего не было в обращении с нами Владимира Александровича. Его непосредственная, дружелюбная манера говорить и задавать вопросы совершенно органично располагала к общению, освобождала от внутренней скованности перед “самим автором” главных для нас, тогдашних студентов-социологов, источников социологического знания, в частности и изданной в 1968 году в Тарту книги “Методология и процедуры социологического исследования”, и соавтором вышедшей в 1967 году в Москве фундаментальной для советской социологии книги “Человек и его работа”, написанной Владимиром Александровичем Ядовым совместно с Андреем Григорьевичем Здравомысловым.



В следующий раз встретиться с Владимиром Александровичем довелось только через шесть лет. Тогда мне впервые нужно было организовывать эмпирическое социологическое исследование, и за консультацией я обратился, естественно, к Владимиру Александровичу. Проблематика исследования его

заинтересовала, и эта встреча стала для меня не просто новым счастливым эпизодом, а началом пятилетнего счастливого сотрудничества с Владимиром Александровичем. Он стал для меня не только главным консультантом и уже не заочным учителем. Лишь с его помощью удавалось решать и сугубо практические проблемы статистической обработки собранных данных. Щедрость, с которой Владимир Александрович и его сотрудники бескорыстно делились и своими знаниями, и методическими разработками, и самими условиями для работы с доступным для них большим компьютером (БЭСМ-6), была явлением совершенно уникальным даже для тех времен.

Как раз в эти годы, во второй половине 1970-х, Владимир Александрович готовил первые ключевые публикации о своей диспозиционной концепции личности. Я имею в виду раздел “Диспозиционная концепция личности” в монографии “Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования” (Издательство Ленинградского университета, 1979 год) и написанные Ядовым разделы вышедшей под его редакцией монографии “Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности” (ленинградское издательство “Наука”, 1979; второе расширенное издание вышло в Москве в 2013 году). Думаю, что эти публикации со временем надолго станут для социальной психологии и социологии личности историческими вехами в их развитии.

*Валерий Хмелько, профессор кафедры социологии
Национального университета “Киево-Могилянская академия”,
президент Киевского международного института социологии*

Я любил Владимира Александровича...

Кажется, относительно недавно я отбирал фотографии и писал к ним комментарии для книги “Виват, Ядов”, посвященной его 80-летию. Хочу кое-что процитировать и добавить. Когда я писал, то понял, что с Ядовым связано и мое вхождение в социологию, и первые книги, и, главное, друзья. Когда сейчас я вспоминаю людей, с которыми меня связывали и связывают дружеские отношения, то оказывается, что очень многие из них — это люди, работавшие в отделе Ядова или так или иначе с ним связанные. Если пользоваться понятием социального круга, то большинство моих друзей в социологии, моя референтная группа — это круг Ядова. Я не знаю, какой была обстановка в отделе Ядова, но, наверное, было что-то такое, что мне очень близко. Так что Владимир Александрович косвенно помог приобрести не только профессиональные знания, но и круг дружеского общения.

Тогда же, шесть лет назад, я писал. “Я думаю, что трудно переоценить значение книги В.А.Ядова для развития социологии не только в СССР, но и в Украине (как, наверное, и в других странах, возникших на постсоветском пространстве). Если бы научная бюрократия руководствовалась только научными, а не политическими соображениями, то Владимир Александрович получил бы не только медаль им. Питирима Сорокина, но еще национальные награды 15 государств”. И вот в Украине оценили роль Ядова (правда,

не научная бюрократия, а общественное объединение социологов). Два месяца назад, в апреле, Ядов был награжден медалью Социологической ассоциации Украины за выдающийся вклад в развитие социологической науки и образования в Украине.

Может быть, в нашей жизни много грустного, рутинного и мало веселого, и поэтому забавные ситуации запоминаются лучше. На прошлой неделе я летел на конференцию, и авиакомпания потеряла мой чемодан. И тут я вспомнил, казалось бы, полностью забытую историю. В.Ядов включил меня и Валерия Хмелько в состав советской делегации (В.Ядов, Б.Грушин, О.Шкаратан, А.Матуленис, М.Титма), которая принимала участие во 2-м американско-советском семинаре в США (13–22 октября 1988 года). Мы прилетели в Нью-Йорк, стали получать багаж — и оказалось, что чемодан Ядова потерян. Все свой багаж получили, транспортер опустел, а чемодана Ядова не было. Никто не знал, что делать, в то время не было большого опыта международных полетов. Мы забегали, стали узнавать, куда обращаться, как это оформляется. И все время пробегали мимо какого-то забытого пассажирами одиноко стоящего чемодана, который долго крутился, а потом служитель снял его с транспортера и поставил у стенки. И вдруг Ядов посмотрел на этот чемодан, хлопнул себя по голове и сказал:

– Это же мой чемодан! Жена купила перед отъездом, я к нему еще не привык.



Вообще же, для меня и Валерия Хмелько эта конференция оказалась необыкновенно важной. Я уже не говорю о возможности десять дней общаться с Ядовым, Грушиным, Шкаратаном и с американскими социологами. Со стороны американцев организатором был известный американский социолог, президент Американской социологической ассоциации Мелвин Кон. Как потом стало известно, Владимир Александрович и Игорь Семенович Кон рекомендовали Мелвину Кону встретиться с Валерием Хмелько и со мной для

выяснения возможностей проведения проекта “Социальная структура и личность” в Украине. Нам удалось договориться о сотрудничестве, которое длится до сих пор. Это сотрудничество переросло в дружеские отношения с Мелвином Коном, и для меня и для В.Хмелько встреча с Мелвином и осуществление такого крупномасштабного проекта (он проводится в нескольких странах уже десятилетия) стал и одним из главных событий в нашей научной жизни. Я очень благодарен за это Владимиру Александровичу.

Хотел бы полностью процитировать свои комментарии к фотографии, сделанной в Киеве в 1989. Не помню цель визита Владимира Александровича, но журнал “Философская и социологическая мысль” попросил меня взять у него интервью¹. Когда интервью готовили в печать, Юрий Прилюк — главный редактор журнала, попросил меня достать еще фото Ядова.



Во время интервью я об этом не подумал, к этому времени Ядов уже уехал, и все, что у меня было — это фотографии, помещенные ниже. Но все остальные фото в журнале нормальные, без головного убора, а Ядов в кепке. Юра Прилюк, однако, поместил все же фотографию в журнале и придумал, как оправдать эту кепку. В интервью, кроме всего прочего, В.Ядов говорит о том, что качество социологических исследований зависит от требовательности заказчика: “Но если заказчик не требует... ну и не надо, ну и хорошо, дешевле будет, проще... Я вот был в парикмахерской, наименований стрижек не знаю и прошу: “Сделайте как-нибудь”. Вот парикмахер меня как-нибудь и сделал, полюбуйтеесь”. И тут Юра Прилюк вставил фразу “Ну ничего, мы Вас в кепке сфотографируем”.

Многие пишут, что со смертью Ядова ушла эпоха (ведь нет уже ни Здравомыслова, ни Игоря Кона, ни Грушина, ни Левады, ни Заславской). Я познакомился с ним больше сорока лет назад, виделись не часто, но он сыграл важную роль в моей жизни. Он оставался нормальным порядочным человеком в любых ситуациях, в том числе возглавляя много лет “главный” социологический институт СССР и России, что не просто. И сейчас, во время войны и массового психоза, его позиция позволяла понять, что это не ты сошел с ума, а что-то не так с российским обществом (с украинским, конечно, тоже, но другое). Я любил Владимира Александровича, и очень грустно, что его уже нет.

*Владимир Паниотто, профессор кафедры социологии
Национального университета “Киево-Могилянская академия”,
директор Киевского международного института социологии*

¹ Социология должна стать самостоятельной наукой // Философская и социологическая мысль. — 1989. — № 7.

О будущем социологии

В социально-гуманитарных науках, где работа индивидуализирована в большей мере, чем в естественных, очень много людей, как и в искусстве, которые интересны сами себе, только о себе и о своих работах имеют охоту и склонность говорить. Не таков был Владимир Александрович. Уже в то далекое время, когда в наших и северных сопредельных географических широтах социология только начиналась, его неумная любознательность была у всех на слуху. Внимательно читать новые публикации, вслушиваться в выступления коллег независимо от их ранга в академической иерархии, вступать в полемику, то признавая, то решительно отвергая представленную в докладе аргументацию и выводы, — за всем этим проступала нелегкая для удержания позиция. И состояла она в том, что социология творится всеми теми, кто избрал ее своим призванием, хобби или средством заработка и карьеры, а забота о ее развитии превышает индивидуальные амбиции. Иначе говоря, каждый из нас в отдельности может отстать от времени, но с социологией, поскольку это в наших силах, такого нельзя допустить.

В этом В.А.Ядов солидарен с основателями нашей дисциплины, их завет исполнялся им с тщанием, недоступным его современникам, то есть нам, а как будет с младшими наследниками пока что неведомо. У М.Вебера есть метафора: наша наука представляет собой храм, вокруг которого не убираются строительные леса, так как идет постоянная доделка и переделка. В последнюю же четверть века работы тут интенсифицировались. Случилось это вследствие убыстрения темпов инновационного обновления технологий, мира вещей и средств коммуникации, вызывающих неопределенности и риски воспроизводства стратифицированных порядков и культуры на различных уровнях становящегося все более глобальным человечества.

В веке XXI этому посвящены фактически каждый мировой и европейский социологический конгресс, поспевать за сменой технологических и вещных декораций все труднее, и возникают сомнения относительно способности социологии верно фиксировать и корректно объяснять взаимодействия людей в таком постоянно меняющемся социально-экономическом и ценностном интерьере. Не оставался в стороне от соответствующих дискуссий и В.А.Ядов. Вот лишь небольшой ссылочный штрих к такому утверждению. В 2009 году выходит вторым переработанным изданием курс лекций для студентов магистратуры по социологии “Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций”. В 2010 году в “Социологическом журнале” — статья “Всемирный социологический конгресс в Гетеборге — событие, требующее осмысления и действий сообщества социологов”, а в 2011 году — тезисы выступления “Каким видится будущее социологии” на чтениях памяти Ю.Н.Давыдова.

Курс лекций, наверное, сразу и задумывался как отбор концептов и их констелляций, остающихся состоятельными в нынешних условиях, как бы их испытанием на методологическую технологичность и актуальность когнитивных притязаний. Подобающая научным обстоятельствам момента цель состояла в том, чтобы предоставить в распоряжение магистров (= преподавателей-исследователей) адекватные инструменты их будущей работы. В статье и тезисах предлагаются соображения о возможных трендах эволюции эмпирически ориентированных обследований. Они доступны на

сайте Института социологии РАН, не повторять же их в мемориальной записке. Ограничусь, поэтому, их кратким комментарием, рассуждением по прочтении, а не над прочитанным, ведь “голос в ответ”, как мне сдается, был чаянием Владимира Александровича.

Неопределенность, кризис, риск — таковы три концепта, не исчерпывающие, но удовлетворительно описывающие то новое состояние, что наступает и накрывает народы, общества, группы и отдельных индивидов. Иными словами, эмпирически наблюдаемой становится массовость беспрецедентного, не имеющего аналогов. Само по себе наблюдение не ново, А. де Токвиль в своем основном произведении замечал, что, взглядыываясь в прошлое, он не видит того, что видит сейчас. Однако ныне ситуация заметно отличающаяся, ее можно назвать “небывальными масштабами беспрецедентного”.

Концентрация прежде невиданного означает также сокращение области уместного применения прежнего опыта индивидуальной и коллективной адаптации, его ускоренной инфляции. Перед лицом новых явлений и обстоятельств количественно большие категории населения оказываются как бы социально неоснащенными, бывлые образцы поведения и идентичности не годятся, принуждая к выработке импровизационных моделей приспособления, к действию на свой страх и риск, без оглядки на всеобщие нормы и ценности или вопреки им, а зачастую и без упования на помощь социальных институтов. В расчет стоило бы принимать организованные или спонтанно возникающие волонтерские движения, альтруизм отдельных людей, спонтанную солидарность тех, кто оказался жертвой вынужденной индивидуализации.

Такое состояние в социологии принято именовать аномией, она оказывается проигрышной ставкой в игре беспрецедентности, все шире разворачивающейся в пространстве совместного существования. В конце позапрошлого века Э. Дюркгейм испытывал легкие сомнения, говоря о том, что в промышленном обществе аномия является нормой, и полагался на коллективные ценности и правила если не в преодолении ее, то в ограничении бытования. Сегодня с такой иллюзией приходится расставаться: аномия стала безусловной нормой, иногда размещаясь едва ли не во всех территориальных пределах какого-либо государства, а способы ее преодоления еще менее ясны, чем для французского классика социологии. Она все еще трактуется в качестве прямого предиктора девиаций (преступления, самоубийства), но ей подобает уже более значимое место в концептуальных построениях, претендующих на то, чтобы быть современными. Кто же не знает, что ответом на необычные обстоятельства бывает и альтруизм, и агрессия, и адаптация разной степени успешности.

И еще один относительно новый, но затертый употреблением и обращением в обществоведении концепт — глобализация. В тезисах Владимира Александровича о будущем социологии прямо читаем, что “выход” в глобальное чреват как напряжениями с местным и традиционным, так и разрывами с ними. Равно как и наоборот: вторжение глобального в преимущественно локальное способно переводить умиротворенные латентные установки и различия в явно конфликтные. Внимание к локальному и анклавному в контексте многообразия структурно и культурно обусловленных реакций на напряжения или разрывы обретает статус методологического императива в работе социолога. Отсюда же следует, что из запасников концептуальных инструментов слежения мало что стоит удалять, ведь время локаль-

ное может оказаться миксом настоящего и прошлого, а время анклавное — все более отдаленного прошлого. На стреле, так сказать, времени общества располагаются по всей длине, а от компетенции ученого зависит и определенные ситуации наблюдения, и отбор “приборов”, позволяющих надежно установить, кто, где, в каком времени и как живет.

Владимир Александрович был уверен, что будущая социология в основных чертах проступила. Никто не знает, на какой срок ее хватит, ведь социальный и технологический метаболизм только убыстряется. На строительных лесах храма науки требуются работники, по знаниям и навыкам соответствующие экстраординарным условиям и процессам современного мира. Гарантом будущего социологии, полагает он, может быть открытость прошлому и настоящему опыту исследований обществ разного типа, в том числе сравнительных, непоказная эрудированность социологов в теории и истории дисциплины, исключая парадигмальную односторонность, сочетание количественного и качественного подходов на основе новых способов сбора и анализа информации.

*Сергей Макеев, заведующий отделом социальных структур
Института социологии НАН Украины*

Пока вы его помните, он и жив

Мы горюем, не стало Владимира Александровича Ядова... Ядов был одной из опор сообщества социологов, да и всего нашего общества в целом. Это человек, искусно объединявший огромное число людей, которые живут в разных частях страны и разделяют разные убеждения, и способствовавший тому, чтобы они сходились друг с другом на некоторых общих представлениях и ценностях, чтобы могли как-то уживаться друг с другом. В нашем бескомпромиссном, не умеющем и не желающем договариваться обществе Ядов был одним из тех редких людей, благодаря которым страна еще жива и не разрушилась окончательно.

Владимир Александрович прожил долгую жизнь, в ней были 60-е — годы бури и натиска, создания “Человека и его работы” и выхода знаменитых тартуских лекций по методологии социологического исследования (прочитаны в Тарту в мае 1968 года). Были 70-е годы и первая половина 80-х, когда ему, как и всем нормальным людям, стало трудно дышать. Почти невозможно было, оставаясь в рамках легальной научной деятельности, выполнять свой научный долг и называть вещи своими именами. Ядов и в эти годы не опускал рук и “делал, что должно”: возглавил проекты “Саморегуляция” и “Человек и его работа-2”, создавал благоприятные возможности работы для своих коллег. Но ни природная интеллигентность и мягкость, ни готовность идти на уступки не спасли его от отлучения от руководимого им коллектива и изгнания из института. Тем, для кого крах советской жизни кажется чем-то неожиданным и случайным, полезно еще раз вдуматься: одного из ведущих социологов изгоняют из института “социально-экономических проблем”, да еще как раз тогда, когда эти самые проблемы крайне обостряются...

К концу 1980-х социальные колесики снова (уже в который раз в его жизни) повернулись, и он в полной мере ощутил свою востребованность. В этот поистине исторический момент Ядову — основателю первой в Советском Союзе социологической лаборатории — был предложен новый вызов: реформировать символический центр советской социологии — ИСИ АН СССР. Владимир Александрович этот вызов принял и миссию выполнил. (Ядов и в самые беспросветные периоды где-то внутри знал, что все поменяется, и это укрепляло его и позволяло сравнительно спокойно переносить торжество варваров. Наверное, помогал и опыт преследований, пережитых им в последние годы сталинского режима, и память о том, что и тогда “на смену декаблям” приходили “январь”).

Выражая благодарность за поздравления к 80-летию, Владимир Александрович написал несколько лет назад на сайте Института социологии РАН: “В бессмертие душ я не верю. Я знаю, что пока вы помните Ядова, он и жив. Пятеро бывших учеников моей жены Люки Лесохиной, когда-то учителя литературы, прислали поздравления с МОИМ 80-летием. И это значит, что Люка жива и мы вместе. Отличные слова, всем известные, которые я чуть изменил:

“Мы за руки идем, друзья,
Жаль тех, кто в одиночку”.

Светлая память!

*Владимир Магун, заведующий сектором исследований личности
Института социологии РАН,
заведующий лабораторией сравнительных исследований
массового сознания ВШЭ*



Из книги: Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И.

Профессия — социолог. — СПб.: Норма, 2010. — Т. 2.

Тяготение, которое не тяготит. В.А.Ядову — 80 лет

Если для младших поколений российских социологов Владимир Александрович Ядов — все же “далекая звезда”, хоть можно и книги почитать, и лекции послушать (кому бы молодому такая активность!), то для старших и средних поколений он слишком значим профессионально и по-человечески, чтобы не оставаться постоянно в поле его притяжения. Замечательно, что это “тяготение” не тяготит и как бы даже не ощущается. Просто невозможно себя представить “вне” этого поля.

Далеко не безупречный и не репрезентативный онлайн-опрос “Демоскопа-Weeklу” середины прошлого года, тем не менее, не мог не отобразить ядовское первенство в популярности среди коллег, ближних и дальних.

Ядов — харизматический лидер, каковым стал очень рано и остается на протяжении многих десятилетий, независимо от возраста, чинов и званий.

Я ограничусь здесь одним документированным эпизодом, вроде не таким уж и существенным, однако показательным.

В 1979 году Ядову, самому известному из советских социологов, только что проведенному панель (повторное исследование) “Человека и его работы” и издавшему “Саморегуляцию и прогнозирование социального поведения личности”, уже смещенному с поста заведующего отделом Института социально-экономических проблем АН СССР, но еще не изгнанному из него (чем этот институт, понятно, себя “прославил”), исполнилось “всего лишь” 50 лет. Обстановка в том институте была довольно напряженной, и надо было так составить юбилейный адрес, чтобы его, не задумываясь, подписали все — от лаборанта до директора.

Мы, сотрудники сектора социальных проблем личности и образа жизни, проявили чудеса изобретательности, чтобы облечь свои искренние чувства в достаточно казенные слова, за которыми эти чувства, однако, просвечивали. И сочинили:

“Удивительно молодой старейшина” (В.А.Ядову — 50 лет)

Дорогой Владимир Александрович!

В день Вашего 50-летия коллектив Института социально-экономических проблем АН СССР хочет выразить свою глубокую удовлетворенность и осознанную гордость тем, что Вы являетесь его членом. Ваш славный жизненный и трудовой путь представляется Вашим коллегам неотделимым от исканий и достижений современной советской социологии, своего рода олицетворением ее исторического пути. В Вашей научной деятельности счастливо сочетались первооткрывательство и развитие заложенных Вами научных направлений, будь то современная отечественная социология труда, социология личности или разработка методологических проблем социологических исследований. Общеизвестные успехи отечественной социологии за последние 20 лет во многом обусловлены Вашим вкладом. Воспитатель целой плеяды исследователей, ныне работающих во всех концах страны, Вы являетесь удивительно молодым старейшиной советских социологов, неиссякаемым “генератором идей” и “стимулятором открытий”. Органическое сочетание научной и гражданской позиции, партийная принципиальность и человеческое обаяние, свойственные Вам, позволяют сегодня сказать, что коллеги и друзья видят в Вас подлинного Рыцаря советской социологической науки.

Желаем Вам, Владимир Александрович, новых открытий и творческих озарений, жизненных радостей и достижений в третьем 25-летии Вашей жизни!

25 апреля 1979 года

Этот адрес интересен и тем, когда именно он был написан (1979), и тем, сколько лет было юбиляру (50). Такая получилась “точка пересечения биографии и истории” (пользуясь выражением Ч.Р.Миллса).

В 1999 году Ядову исполнилось, понятно, 70. И текст этого самого адреса был произнесен и вручен ему (в ту пору уже 10 лет как директору головного социологического института страны) повторно. И ведь не устарело! Замечательна верность Ядова самому себе, тому, каким его видят окружающие, и тому месту, которое занято им в современной российской социологии, какие бы должности ни занимал.



И вот теперь — 80-летие. Почти все пожелания коллег и друзей, высказанные 30 лет назад, сбылись. Хоть было за эти десятилетия немало не только радостного, но и горького.

... А зачем я все это пишу? Только ли для того, чтобы еще раз поздравить с юбилейной датой Учителя, Коллегу и Друга, сыгравшего столь важную роль в моей жизни? Нет. Зная Ядова, я уверен, что тот старый адрес не висит у него на стене в рамке под стеклом. И вновь врученный ему 20 лет спустя — тот же самый, но уже без золотого тиснения на папке — тоже куда-нибудь заделался.

А тут — сборник или журнал, хоть на бумаге, хоть на сайте (... на папирусе, глиняных дощечках, в камне...) — сохранит — и для него самого, и для всех его учеников, нынешних и будущих — этот *скрипт* ближайших коллег и друзей об “удивительно молодом старейшине” отечественной социологии. Каким он был, остался и никогда не перестанет быть.

А.Алексеев, февраль 2009 года

Постскриптум

Шесть лет назад отмечали восьмидесятилетие. Ядов ушел на 87-м году жизни, в ночь с первого на второе июля 2015 года. Можно сказать — после тяжелой продолжительной болезни. Однако до самого последнего времени сохраняя остроту ума и даже работоспособность. Правда, в последние полгода он стал сильно сдавать и почти не мог обходиться без посторонней помощи. Младшие домочадцы не баловали его такой помощью, зато трогательно заботились московские коллеги, друзья, ученики. Последние месяцы жизни он провел на даче друзей под Москвой. Раза два его привозили на заседания Ученого совета Института социологии.

Ядовым по существу кончается Эпоха в нашей науке. Он оказался долгожителем: Грушин, Левада, Заславская, Здравомыслов, Шубкин, с которых также начиналась послевоенная советская / российская социология, ушли

раньше него. За истекшие пару недель мне довелось прочитать не один десяток некрологов и индивидуальных откликов на его кончину. Некрологи насыщены фактами профессиональной биографии и свидетельствами мирового научного признания (вот только звание академика РАН не удостоился, но это проблема скорее Российской академии наук, чем его личная). Индивидуальные тексты избобилуют личностными штрихами, “случаями из жизни”. Так, наверное, и должно быть, притом что находит отражение как научный вклад, так и человеческое обаяние, его талант ученого и харизматичность.

Ядов был Интеллектуалом и Интеллигентом (то и другое с большой буквы). Эти два определения — далеко не синонимы. Ядов был носителем замечательного сплава того и другого. Хочется указать на одну уникальную черту Ядова: он был ШИРОК, являя собой удивительную много- и/или разносторонность. Отнесем это, в частности, к кругу научных опор и интересов. Ядов всю жизнь осуществлял то, что можно назвать конвергенцией разных научных парадигм.

Ядов не был ортодоксальным марксистом (таковым не был и сам Маркс). Еще в 60-е годы Ядов искренне поддерживал трактовку истмата как “общей социологической теории”, настаивая, однако, на относительной автономии “частных социологических теорий”. Не был Ядов и адептом позитивизма, хотя его многократно переиздававшийся учебник “Стратегия социологического исследования” вобрал в себя весь мировой опыт эмпирической социологии, развивавшейся прежде всего на позитивистской парадигмальной основе. Кажется, от Ядова пошел этот термин: ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ. Ядов вполне допускал выбор той или иной теории в зависимости от поставленной задачи.

Ядов — широк. Его “Прогнозирование социального поведения личности”, пожалуй, не менее психологично, чем социологично. Научные переговоры не для Ядова и таких как он. Ядов — широк. Он столь же публичный, сколь и академический социолог. Его способность излагать сложнейшие научные материи доступным для “непосвященной” аудитории языком и, наоборот, вносить струю “живой жизни” в доклады с высокой академической кафедры — не имеет себе равных. Ядов — широк. Он был достаточно терпим и к научным оппонентам и к идейным противникам. Он их “прощал”, но не упускал случая едко высмеять. Это относилось и к власти предрержащим, и даже к самому себе (ирония и самоирония). Не будучи никогда завзятым “оппозиционером”, он часто оказывался в неявной оппозиции режиму, в силу одного того, что искал научную истину, которая режиму была вовсе не нужна. Ядов широк и щедр. Я никогда не спрашивал его, да, думаю, он и не сумел бы ответить, сколько у него научных “крестников” (писавших диссертацию под его руководством или защищавших ее при его оппонировании). Полагаю, что за его долгую научную жизнь их набралась не одна сотня.

Вспоминается драматический эпизод: ученый совет, в котором Ядов был председателем, “вдруг” забаллотировал тайным голосованием (при отсутствии публичной критики) диссертацию молодого ученого, выразившего свои мысли весьма затрудненным, “птичьим” языком. Ядовский выход из этого скандала был, как всегда, непредсказуем: он написал статью, в которой перевел “заумные” рассуждения на нормальный научный язык, тем самым реабилитировав амбициозного, талантливого автора и, отчасти, сам ученый совет.

Я нарочно останавливаюсь больше на чертах Ядова — Ученого, Педагога и Гражданина, а не на личностной ауре, человеческом обаянии, о которых преимущественно пишут и говорят все, кто его знал. Масштаб личности измеряется мерой влияния на ближнее и дальнейшее социальное окружение, в данном случае — на развитие целой научной отрасли. Ядов был первопроходцем, зачинателем. Те, кто придет на смену, Ядова не заменят. Им остается хранить о нем благодарную память и, в меру сил, выращивать в себе элементы его отношения к Науке, Людям, Миру.

*Андрей Алексеев, почетный член Российского общества социологов,
Санкт-Петербург. 17.07.2015*

В.А.Ядов:

“Нам одно остается: честно делать свое дело”¹ **(Фрагменты из бесед В.А.Ядова и Б.З.Докторова, которые состоялись в 2013–2014 годах)**

У меня есть все основания называть проект по истории современной/российской социологии, который уже почти десять лет присутствует на страницах “Телескопа”, *ядовским*. И это не только потому, что Владимир Александрович Ядов принадлежит к весьма немногочисленной группе ученых, которые стояли у истоков отечественной социологии. Причины называть его ядовским — значительно более конкретные, осязаемые. В 2004 году он позитивно отозвался о моем первом историко-биографическом опыте — статье о Б.А.Грушине. В 2005 году наш обстоятельный разговор через океан — интервью с ним, проведенное по электронной почте, стало сильнейшим импульсом к проведению продолжающейся и сейчас серии интервью с российскими социологами разных поколений. В 2007 году В.А.Ядов предложил мне ответить на его вопросы о методологии интервью и первых выводах моего историко-биографического исследования. Этот “разговор через океан” дал мне возможность обобщить сделанное и уточнить направления моих дальнейших поисков. В начале 2013 года Европейский университет в Санкт-Петербурге опубликовал мою книгу “Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории”, которая с глубоким уважением и признательностью посвящена В.А.Ядову. Таким образом, публикуемое ниже интервью с В.А.Ядовым — лишь один из фрагментов наших постоянных обсуждений процесса становления и более чем полувекового развития отечественной социологии. И я благодарен судьбе за то, что она предоставила мне такую возможность.

*Борис Докторов (США), ассоциированный сотрудник
Социологического института РАН в Санкт-Петербурге,
почетный доктор Института социологии РАН*

¹ Полный текст опубликован в журнале “Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований” (2014, № 2).

Воледа, мне кажется, что московский конгресс российских социологов, состоявшийся в 2008 году, не только подвел итоги 50 лет нашей науки, но знаменовал собою конец того периода становления и развития отечественной социологии, когда все в той или иной степени знали друг друга, по крайней мере, по публикациям. За последние два десятилетия наше сообщество заметно выросло в численном отношении, многообразнее стала тематика наших исследований, видимо, складываются региональные школы и т.д. Может быть, практика “больших” единых конгрессов исчерпала себя?

Не ожидал такого вопроса от тебя, Боря. Согласись, что национальные и международные научные конгрессы тем и важны, что позволяют исследователям и преподавателям любой отрасли знания быть в курсе происходящего в их науках. На всемирных социологических конгрессах доклады на пленарных заседаниях обращают внимание научного сообщества к наиболее острой проблематике данного времени. Я был счастлив и безмерно горд, когда на конгрессе в Билефельде удостоился чести выступить с докладом о сдвигах социальной идентичности в постсоветской России. Не могу не похвастаться тем, что я выступал следом за Энтони Гиденсом и при председательстве Штомпки.

Программный комитет нашел проблему наиважнейшей для так называемых посткоммунистических стран. После доклада ко мне подошел социолог из Южно-африканского союза и высказал такую мысль. С ликвидацией апартеида мы, чернокожие граждане, начали более пристально вглядываться в белых африкандеров, чтобы найти самих себя, лучше понять, кто теперь мы сами. Вы, русские, тоже обеспокоены своей новой идентичностью, отличающейся от привычной советской. Хотя апартеида мусульман или других народов у вас не было, видно по вашему выступлению, что и вы смотрите в других, чтобы понять себя.

На всемирных конгрессах для заседаний исследовательских комитетов по теории и по методологии отводятся наибольшие аудитории, всегда переполненные, студенты чуть ли не на плечи друг другу встают, чтобы разглядеть своих социологических звезд. Большую часть аудитории составляют преподаватели. Штомпка говорил мне, что иногда члены ИК по теории устраивают свои внепрограммные посиделки, дабы серьезнее обсудить проблемы, не отвлекаясь на вопросы массовой аудитории.

Наши конгрессы также дают возможность познакомиться с ведущими фигурами, что особенно важно нестолтичным коллегам, также высвечивают актуальную для общества проблематику, также становятся событием в жизни студентов. Все это — решающий аргумент против “соперничества” все российских конгрессов.

Как бы ты охарактеризовал политико-нравственную ситуацию последних лет в России? Ты не припомнишь, на серии конференций Т.И.Заславской с первоначальным названием “Куда идет Россия?”, а с 2004 года — “Пути России” вы допускали, что в стране сложится подобная ситуация?

В деталях подобное не предполагалось. Вместе с тем историки говорили о циклизме социально-политических процессов в России, о всегдашней апатии населения, следующей за резкими переменами, а социологи демонстрировали соответствующие тренды. На конференции “Кто и куда стремится вести Россию” обсуждали возрастание роли крупного бизнеса и бюрократии. Постоянно говорилось об отсутствии конструктивной мобилизи-

рующей национальной идеи, место которой занимает поиск внешнего врага. Так что можно сказать, что в принципе ухудшение общей ситуации достаточно обоснованно ожидалось. Больше того, вследствие единодушия относительно ближайшего будущего страны темами конференции становились более “частные” проблемы, например состояние социальных наук и др.

Как, на твой взгляд, будет развиваться ситуация с Законом об “иностранных агентах” и, в частности, что реально угрожает “Левада-центру” и социологическому сообществу в целом?

Это очень важный вопрос. Мне представляется, что здесь имеет место хорошо продуманная “пошаговая” провокация. Смотри сам. Власть не могла не предвидеть бурную реакцию со стороны “либералов”. Чем больше шума в масс-медиа, тем более широкие слои населения узнают о происках закулисья. Своими протестами мы, значит, подливаем горячее в огонь. А тут еще кто-то надушил вмешаться германских интеллектуалов: десятки подписей в защиту “агентов Запада”. Что и требовалось. Простые люди должны сомневаться в данных неблагоприятных для власти результатов опросов (подтасовки), еще лучше, если нагнетаемая атмосфера недоверия к “людям с анкетой” побудит респондентов отвечать в духе поддержки властных структур подобно тому, как в известном фильме бандюга Суходрищев кричал американскому послу: “Не тронь наших”, когда тот протестовал против действий полиции по задержанию похитителя алмаза — национального достояния России.

Применительно к Левада-центру и другим НКО это есть принуждение к перерегистрации в статусе коммерческой структуры. Тогда возникнут дополнительные финансовые затруднения (налоги) и, что более существенно, люди станут соответственно относиться к подобным организациям: ради прибыли они готовы на все. Еще хуже с другими НКО. Хороши защитники прав человека, зарабатывающие на своей “благотворительности”! Тушик.

Не берусь заглядывать слишком далеко, коль скоро на общую ситуацию в России влияет множество факторов, не в последнюю очередь опасность всемирного экономического кризиса. Нам одно остается: честно делать свое дело.

Ядов!

На могиле великого русского писателя Льва Николаевича Толстого поставлен простой камень, с одним словом — Толстой! Такого же камня с одним словом достоин великий российский социолог Ядов. Он был первооткрывателем советской социологии, он многие годы был первым в советском (а затем и постсоветском) социологическом пространстве. Он научил профессиональному мастерству и этике тысячи современных социологов. Его хорошо знали и уважали лидеры мирового социологического сообщества. Он олицетворял светлую сторону советской и российской социологии. Есть и темная. Сейчас не время говорить об этих людях. Главное, что благодаря Ядову и его ближайшим единомышленникам (Кону, Леваде, Заславской, Грушину, Батыгину) темные силы так и не смогли окончательно одержать верх ни в прошлом, ни сегодня. Тем большая ответственность сегодня

легла на хилые плечи их учеников. У Ядова учился и я. Не в университете и не в социологической лаборатории. Учился, наблюдая отношение Ядова к науке, к жизни и людям.



В моем отношении к науке Ядов сыграл во многом определяющую роль. Впервые я увидел легендарного Ядова в 1979 году на конференции в Звенигороде. Конференция была “всесоюзной”, собрала немало “пленарных и секционных авторитетов” тех времен, но неподдельный интерес в массах рядовых социологов вызывал только Ядов. Вокруг него постоянно собирались восторженные поклонники, ожидая чуда — чуда общения с “единственным и неповторимым”. Разумеется, и у меня было вполне естественное искушение ознакомиться Ядова со своими соображениями о новой для меня (до недавнего времени психолога) области научного познания. Но удержался... Подумал о том, что популярные личности имеют один грех: интерес к собственным креативным идеям и к своей незаурядной личности, как правило, превосходит интерес к тому, что думают о себе и о мире прочие смертные. Однако через год обнаружил, что общие правила вряд ли уместно распространять на тех, кто позволяет себе с ними не считаться. На очередной конференции после своего выступления получил неожиданную записку: “Не хотели бы выступить с более развернутым изложением своих мыслей у нас в отделе. В.Ядов”. Естественно, я захотел. Поехал в Ленинград, познакомился с многими замечательными сотрудниками отдела (Кесельманом, Голофастом, Божковым), а с Володией Магуном с тех пор нас связывают многолетние дружеские и творческие отношения. А все началось с записки, которая для меня до сих пор является символом отношения состоявшегося ученого к начинающему. То, что для Ядова было мимолетным знаком внимания, для меня во многом определило научную перспективу. Думаю, не только для меня.

Некоторые важные нюансы этики научной деятельности он открыл и мне лично. В одной из его работ, изданных на английском языке, я обнаружил любопытную сноску: “Эта мысль мне пришла в голову, когда мы обсуждали про-

блему жизненного пути личности с “таким-то””. При первой же встрече с Владимиром Александровичем я выразил недоумение: “А разве необходимо специально упоминать того, чье присутствие совпало во времени и пространстве с рождением собственной мысли?” Ответ был прост: “Можно и не упоминать, но выражение благодарности каждому, кто сумел даже косвенно поспособствовать творческому процессу, — естественное проявление научной этики”. По его собственному признанию, такому пониманию профессиональной этики во многом поспособствовали месяцы стажировки на Западе в 60-е годы прошлого столетия. Не в последнюю очередь благодаря этой стажировке советская социология рождалась с человеческим лицом (в отличие от прочих марксистско-ленинских общественных наук).

Для украинских социологов, независимо от того, в какие годы они осваивали азы и премудрости своей профессии, имя В.А.Ядова всегда ассоциировалось с теми требованиями профессионализма и научной этики, которые они осваивали по работам Э.Дюркгейма и Р.Мертон. Работы В.А.Ядова и сегодня принадлежат к наиболее популярным в Украине. Причем речь идет не только о старшем поколении социологов. Студенты и молодые исследователи постоянно обращаются к трудам В.А.Ядова, когда пытаются понять тенденции и закономерности современных социальных изменений, механизмы социальной регуляции поведения, научные основы организации и проведения социологического исследования. Приведу результаты одного исследования, которое я провел с Ксенией Урсулenco и Татьяной Любивой. Мы решили выяснить, насколько необходимыми и полезными для себя считают студенты-социологи Украины работы наиболее известных методологов Украины (В.Паниотто и Н.Панина), России (В.Ядов и Г.Батыгин) и США (П.Лазарсфельд и С.Садмен). Мы предполагали, что популярность работ и оценка полезности студентами будут зависеть от их восприятия этих работ по критериям национально-культурной и языковой близости — таким образом, что наиболее читаемыми и полезными окажутся работы украинских социологов, далее — российских и в последнюю очередь — американских.

В ходе исследования были опрошены 428 студентов III–VI курсов, обучающихся по специальности “социология” в университетах Киева, Харькова и Львова — основных центрах подготовки социологов. Время проведения исследования (начало зимней сессии) позволяло достигнуть максимальной доступности студентов, посещающих университет нерегулярно, благодаря чему в выборку попали студенты с разными уровнями успеваемости и заинтересованности в предмете обучения. Было выделено по пять работ каждого из методологов социологии Украины, России и США. Для оценки знания этих работ студентам предлагался вопрос: “В какой мере Вам известны перечисленные работы?” Гипотеза наша подтвердилась во всем, что не касалось Ядова. Места со второго по шестое распределились так, как и предполагалось: Панина, Паниотто, Батыгин, Лазарсфельд, Садмен. И только Ядов, как всегда, все перевернул с ног на голову, оказавшись наиболее известным социологом в Украине.

Я не прощаюсь с Ядовым! Для меня он был, есть и будет первым социологом. Уверен, не только для меня... Истинные творцы и учителя не умирают. Одной только мыслью, живущей в книгах и преданиях, они способны рождать новые поколения талантов и профессионалов.

Евгений Головаха,
главный редактор журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”